УДК: 316. 346.32–053.9 DOI: 10.22394/2071–2367–2018–13–2–37–49

СОЦИАЛЬНЫЙ АКТИВИЗМ ПОЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Колпина Л.В.[1]

Цель статьи - обосновать значение социального активизма пожилых людей для них самих и общества в целом. В качестве форм социального активизма рассматриваются: участие в досуговых массовых мероприятиях, в работе общественных объединений, различных гражданских инициативах.

Методология - анализ социального активизма осуществляется на основе эмпирических данных, собранных в ходе анкетных опросов в Белгородской области в период с 2010 до 2017 г.

В результате доказывается, что невысокая социальная активность пожилых людей является следствием неразвитости активистской культуры среди основной массы населения.

Однако участие в работе по месту жительства вызывает у пожилых людей определенный интерес. Среди наиболее значимых причин, препятствующих их социальной активности – недостаточный уровень информированности о реализуемых мероприятиях, способах актуализации потенциала, заложенного в практиках общественного участия, а также их представление о небольшой эффективности таких практик.

Статья выполнена при поддержке исследовательского проекта РФФИ №16–03–00456 – ОГН «Потенциал местных сообществ в формировании социального здоровья населения старших возрастных групп»

Ключевые слова: социальный активизм, пожилые люди, общественники, активность по месту жительства, участие в мероприятиях.

Колпина Лола Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, адрес: 308015, Россия, г. Белгород, б-р Победы, д.85, e–mail: karlkastane@ya.ru.

SOCIAL ACTIVISM OF THE ELDERLY POPULATION OF THE BELGOROD REGION

KOLPINA L. V. – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Belgorod National Research University (Russian Federation, Belgorod); e–mail: karlkastane@ya.ru.

The purpose of the article is to substantiate the importance of social activism of the elderly people for themselves and society as a whole. As forms of social activism participation in recreational mass events, in the work of public associations, various civil initiatives are considered.

Methodology - analysis of social activism is carried out on the basis of empirical data collected during questionnaires in the Belgorod region in the period from 2010 to 2017.

It is proved that the low social activity of the elderly is a consequence of the underdevelopment of the activist culture among the bulk of the population.

However, participation in community work causes some interest among the elderly people. Among the most significant reasons hampering their social activity are the lack of awareness of the activities being implemented, ways to actualize the potential inherent in public participation practices, and their perception of the low effectiveness of such practices.

The article was supported by the RFBR research project №16–03–00456 – OGN «Potential of local communities in the formation of social health of the population of older age groups»

Keywords: social activism, elderly people, community workers, activity in the community, participation in events

Повышение социальной активности пожилых людей на протяжении многих лет является важным направлением западной науки и практики, а в последние годы его значимость растет и в России[1].

[1] См., напр.: Щанина Е. В. Факторы социальной активности старшего поколения //Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – №. 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/faktory–sotsialnoy–aktivnosti–starshego–pokoleniya (дата обращения: 10.02.2014); Burns V. F., Lavoie J. P., Rose D. Revisiting the role of neighbourhood change in social exclusion and inclusion of older people //Journal of Aging Research. – 2012. – URL: https://www.hindawi.com/journals/jar/2012/148287/abs/ (address date:: 10.02.2018); James

Под социальным активизмом понимается деятельный, созидательный образ жизни, предполагающий участие в общественной и или культурной жизни[1] – массовых мероприятиях, работе общественных объединений, различных гражданских инициативах.

Актуальность темы исследования обусловлена рядом обстоятельств, вызванных прежде всего глобальным трендом роста продолжительности жизни. В результате обусловленного им увеличения доли пожилых людей (к которым мы относим лиц в возрасте 60 лет и старше) в структуре населения, во–первых, эта массовая группа начинает представлять собой значимую общественно–политическую силу, способную влиять на общественную ситуацию, адаптируя ее под свои специфические нужды.

Во–вторых, социальный активизм граждан старших возрастов является одним из ресурсов снижения высокой социальной нагрузки на население, вызванной тенденцией постарения общества[2]. В Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в РФ до 2025 года[3] подчеркивается, что они являются носителями знаний и опыта, вносят существенный вклад в совокупный интеллектуальный потенциал и социально–экономическое развитие страны, активно участвуют в процессах социального развития, сохраняют и приумножают богатство ее культуры, выступая хранителями важнейших духовно–нравственных ценностей. В этой связи одной из задач Стратегии ставится обеспечение эффективного использования их потенциала и участия в общественной жизни.

В–третьих, как показывает ряд исследований[4], важным фактором

B.D. et al. Late–life social activity and cognitive decline in old age //Journal of the International Neuropsychological Society. – 2011. – Т. 17. – №. 6. – Pp. 998–1005.

[1] Трубин В., Николаева, Палеева М., Гавдифаттова С. Пожилое население России: проблемы и перспективы //Социальный бюллетень. – Аналитический центр при Правительстве РФ, 2016. – С. 28. – URL: http://ac.gov.ru/files/publication/a/8485.pdf (дата обращения: 26.02.2018).

[2] Старшее поколение как ресурс социально–экономической модернизации России / Под науч. ред. чл.–корр. РАН Н.М. Римашевской. — М., 2014. —С. 22, 25.

[3] Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года: утверждена Правительством РФ от 5.02.2016., № 164–р. – URL: http://static.government.ru/media/files/7PvwIIE5X5KwzFPuYtNAZf3aBz61bY5i.pdf (дата обращения: 26.02.2018).

[4] Poortinga W. Community resilience and health: The role of bonding, bridging, and linking aspects of social capital // Health & place. – 2012. – Т. 18. – № 2; Thoits P.A. Mechanisms linking social ties and support to physical and mental health // Journal of health and social behavior. – 2011. – Т. 52. – № 2; Umberson D., Crosnoe R., Reczek C. Social relationships and health behavior across life course //Annual review of sociology. – 2010. – Т. 36; Umberson D., Montez J. K. Social relationships and health a flashpoint for health policy //Journal of health and social behavior. – 2010. – Т. 51. – №. 1.

душевного и физического благополучия, здоровья человека является его инклюзия в социальные связи и отношения. Между тем значения ее показателей в пожилом возрасте в сравнении с более молодыми группами заметно снижаются[1], что сопряжено с ограничениями мобильности и ухудшением общего здоровья этой категории. Другой причиной выступает сужение их постоянного круга общения в силу естественного вымывания возрастной когорты, утраты близких (родителей, супругов, братьев, сестер и т.д.), отдаления взрослых детей; окончания трудовой деятельности с разрывом соответствующих отношений, занимавших в прошлом значимое место.

Компенсацией негативной динамики изменения микросоциального окружения может служить включенность старших возрастных групп в мезосоциальные практики – работу общественных объединений, в гражданские инициативы, различные культурные мероприятия. Хотя они и не заменяют близких, интрагрупповых отношений, однако в сравнении с ними характеризуются большей стабильностью как тип социальных отношений, а как форма социального капитала – обеспечивают ряд дополнительных возможностей.

Стимулирование такого рода участия в качестве ключевой стратегии преодоления их социальной эксклюзии и изоляции рекомендуется Мадридским международным планом действий по проблемам старения[2].

Данный аспект нашел отражение и в Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в РФ до 2025 г., в которой подчеркивается, что общество может быть успешным только в условиях, когда люди могут рассчитывать на достойную старость, наполненную смыслом и возможностью самореализации. В этом существенную роль играет их участие в добровольческой деятельности, которая помимо прочего оказывает положительное влияние на их физическое и психическое здоровье, уровень функциональной активности, способствует снижению заболеваемости, смертности[3].

---

[1] Об этом см.: Дергаева А. Е. Профилактика социального исключения пожилых людей в современном российском обществе : автореф. дис. … канд. социол. наук. – СПб., 2013; Старшее поколение как ресурс социально–экономической модернизации России / Под науч. ред. Н.М. Римашевской. — М., 2014. – С. 77.

[2] Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 года: принято второй Всемирной ассамблеей по проблемам старения. Мадрид, 8–12 апреля 2002 г. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ageing_program.shtml (дата обращения: 26.02.2018).

[3] Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года: утверждена Правительством РФ от 5.02.2016., № 164–р. – URL: http://static.government.ru/media/files/7PvwlIE5X5KwzFPuYtNAZf3aBz61bY5i.pdf (дата

Задачи и методы исследования

Роль социального активизма в обеспечении качества жизни пожилого населения, необходимость решения обозначенных в Стратегии соответствующих задач обусловили логику обсуждаемых в статье вопросов: анализа социальной активности пожилых людей, готовности к ней и причин, препятствующих ее реализации.

Эмпирической базой для написания статьи выступили данные анкетных опросов, осуществленных в разные годы по репрезентативной региональной выборке в Белгородской области автором, под руководством автора или в составе творческого коллектива, а именно: «Социальное здоровье населения Белгородской области» (2008 год, N = 800 чел.; авторский опрос); «Функционирование социальных сетей в региональном сообществе» (2010 год, N=1000 чел.; рук. Е.В. Реутов)[1], «Барьеры социально–сетевых взаимодействий: региональный аспект» (2012 год, N=1000 чел.; рук. Л.В. Колпина)[2], «Гражданское участие как ресурс социальной солидарности» (2014 год, N= 1000 чел.; рук. Е.В. Реутов)[3], «Социальное здоровье населения старших возрастных групп» (2017 год; N=700 чел.; авторский опрос).

Во всех опросах квотирование осуществлялось по признакам возраста, пола и территории проживания. В опросах 2008–2014 гг. выделялись возрастные группы: 18–29, 30–39, 40–59 и 60 лет и старше; по территориальному признаку: жители городов с населением более 100 тыс. чел., менее 100 тыс. чел. или поселков городского типа и сельских поселений. В 2017 году было осуществлено два анкетных опроса: населения 60 лет и старше (основная группа, N=500 человек) и 40–59 лет (контрольная группа, N=200 человек). По территориальному признаку было выделено три типа муниципальных образований: городские округа, муниципальные образования с преобладанием городского населения и с преобладанием сельского населения. В муниципальных образованиях с преобладанием городского населения выборку составили жители городов и поселков городского типа, с преобладанием сельского – жители сел. По возрастному признаку в основной группе выделялись категории: 60–69, 70–79 и 80 лет и старше, в контрольной – 40–49 и 50–59 лет.

Для определения общих и специфических черт социального активизма пожилых людей его оценка строилась на основе сравнения его значений с

обращения: 26.02.2018).

[1] См.: Реутов Е.В. и др. Социальные сети в региональном сообществе: монография. – Белгород, 2011.

[2] См.: Колпина Л.В. и др. Барьеры формирования и функционирования социальных сетей: региональный аспект: монография. – Белгород, 2013.

[3] См.: Реутов Е.В. и др. Гражданское участие как ресурс социальной солидарности. – Saarbrucken: Lap Lambert Academic Publishing, 2015.

другими возрастными группами.

Обсуждение результатов

Как указывалось выше, социальная активность населения предполагает его участие в гражданских инициативах, общественных объединениях, массовых мероприятиях различной направленности. Последовательно остановимся на каждой из указанной форм.

В основе гражданских инициатив лежит готовность к общественной работе. Как показали результаты анкетирования, доля населения, относящего себя к числу общественников, невелика. Среди опрошенных разных возрастных групп в 2014 году лишь 15% утверждали, что в их окружении таких людей достаточно много; ок. 60% – что их мало, четверть – что таковые отсутствуют. Реже других отвечали, что в их окружении много общественников (10,1%), чаще – что мало (60,1%) или их нет (29,4%), – опрошенные 60 лет и старше[1].

По данным 2017 года, доля тех, кто сами являются общественниками или хотят ими быть, составила 10,6% из числа опрошенных старшей возрастной группы. Еще 13,1% из их числа сообщили, что скорее хотели бы ими быть, чем нет. В разной степени нежелание ими быть высказали в сумме 71,4% респондентов (27,8% – скорее не хотят, чем хотят; 43,6% – однозначно не хотят).

В анкетировании 2014 года на вопрос о том, в какой ситуации они могли бы стать общественниками, вариант ответа «не мог бы ни в какой ситуации» выбрали 19,3% опрошенных в возрасте 60 лет и старше, что в 2,3 раза меньше тех, что в 2017 году дали однозначно отрицательный ответ на вопрос: «Хотели бы Вы быть общественником?».

Безусловно, различные характеристики выборочной совокупности и формулировки вопросов, применяемые в исследованиях 2014 и 2017 гг., не позволяют сделать достоверный вывод о снижении готовности к общественной работе среди пожилых людей, но заставляют предполагать наличие такого тренда.

Следует отметить, что такая ситуация не специфична для населения старших возрастов. Значения ответов, характеризующих готовность пожилых людей заниматься общественной работой, во многом идентичны респондентам других возрастов. Например, среди опрошенных 40–59 лет выбрали вариант ответа «хотел бы быть общественником /уже являюсь им» всего на 2% меньше, чем среди пожилых, «скорее хочу им быть, чем нет» – на 3,5% больше – разница, находящаяся в пределах статистической погрешности. Доля опрошенных 40–59 лет, ответивших, что не могли бы стать общественниками ни в какой ситуации, отличается еще меньше – на 0,5%. Статистически значимые различия

[1] См.: Реутов Е.В. и др. Гражданское участие как ресурс социальной солидарности. – Saarbrucken: Lap Lambert Academic Publishing, 2015. – С. 92.

регистрируются в сравнении с группами 18–29 и 30–39 лет, представители которых в 2 раза реже категорически отрицательно высказываются относительно возможности стать общественниками.

Между тем основная масса пожилых людей (57,14%) с уважением относятся к общественникам (что совпадает с ответами опрошенных 40–59 лет и несколько превышает долю ответивших также в группах 18–29 и 30–49 лет – 53,9% и 42,11% соответственно), что указывает в целом на их позитивную оценку такой работы и предполагает определенную степень готовности к ней.

Более того, характеризуя свое участие в такой форме общественного активизма, как работа по месту жительства, в сравнении с другими возрастными группами они статистически значимо чаще сообщают о регулярном участии в делах своего домкома, уличкома, подъезда, дома, двора (19,5% против 13,7% в группе опрошенных 40–59 лет), реже – о том, что никогда в ней не участвуют (51,8% против 63,8% соответственно).

Причем у опрошенных 60–74 лет значение такого участия принципиально более высокое, чем в более молодой группе, и у тех, чей возраст превышает 75 лет, (табл. 1).

Таблица 1 – Принимаете ли Вы участие в делах своего домкома, уличкома, подъезда, дома, двора?

Table. 1 – Do you take part in affairs of your condominium, at the place you live?

Возраст, лет	Регулярно	Иногда	Никогда	Затруд. ответить	Нет ответа
40–49	10,7%	12,7%	66,0%	9,3%	1,3%
50–59	16,8%	12,1%	61,7%	5,6%	3,7%
60–74	22,1%	12,9%	47,9%	7,6%	9,5%
75 и старше	16,0%	11,5%	55,7%	6,9%	9,9%

Очевидно, что снижение активности такого участия у граждан, которым за 75, связано с ухудшением их здоровья, уменьшением сил для ее реализации. Поэтому логично предположить, что если бы не это либо при наличии ресурсов, компенсирующих эти проблемы, разница ответов в группе 60 лет и старше и 40–59 лет была бы еще более существенной, а значит, именно эта форма общественной работы является наиболее привлекательной для лиц старших возрастов.

Следует отметить, что об участии в работе по месту жительства сообщает пожилых людей больше, чем об участии в других формах социальной

активности. Объяснением этому может служить более высокая ориентация этой возрастной группы на отношения добрососедства, что также подтверждается данными региональных исследований, а они выступают основой для самоорганизации на местном уровне[1]. Например, в анкетном опросе 2017 года респонденты 60 лет и старше отношения с соседями чаще характеризовали как искренние и доброжелательные, в сравнении с группой 40–59 лет (42,5% против 34,6% соответственно). Аналогичный тренд был отмечен в 2012 году, но уже в сравнении группы пожилых опрошенных с группой не только 40–59, но и 30–39 лет[2]. То же самое касается доверия к соседям, а также жителям своего двора, улицы[3].

Отвечая на вопрос о том, что мешает выступить в качестве инициатора объединения людей для совместного решения возникающих проблем, 18,2% пожилых опрошенных сообщили, что не имеют желания быть общественниками, а каждый четвертый затруднился дать ответ на этот вопрос, что можно интерпретировать как отсутствие рефлексии этой проблемы в связи с ее низкой значимостью. Наиболее популярным вариантом ответа стал «Недостаток свободного времени» (22,4%)[4].

Если говорить о других практиках социального активизма общественного участия населения старших возрастных групп, то, по данным 2010 года, участниками общественных объединений были не более 10,0% из их числа, преимущественно профсоюзов. При этом 29,6% пожилых опрошенных сообщили о формальном характере своего участия, что, скорее всего, именно к профсоюзному членству и относится. Это означает, что доля реальных участников общественных объединений незначительно больше трети от числа заявляющих об этом и менее 5,0% от общего числа опрошенных. Об участии в деятельности религиозной общины сообщили 4,8% респондентов группы 60 лет и старше, землячества – 1,4%, другой общественной организации – 4,7%, что в целом соответствует распределению ответов в среднем по выборке[5].

---

[1] Санжиев Д. Местное самоуправление начинается с добрососедских отношений // Экономика и жизнь. – 2017. –№37 (9703). – URL: https://www.eg–online.ru/article/355097/ (дата обращения: 24.12.2017).

[2] Колпина Л.В. и др. Барьеры формирования и функционирования социальных сетей: региональный аспект: монография. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – С. 63.

[3] См.: Реутов Е.В. и др. Социальные сети в региональном сообществе: монография. Белгород, 2011. – С. 72, 85; Реутов Е.В., Колпина Л.В. Социальное доверие в региональном сообществе// Среднерусский вестник общественных наук. – 2010. – №3. – С. 40–48.

[4] Реутов Е.В. и др. Социальные сети в региональном сообществе: монография. –Белгород, 2011. – С. 214.

[5] Реутов Е.В. и др. Социальные сети в региональном сообществе: монография. –Белгород, 2011. – С. 217.

К 2017 году ситуация несколько улучшилась, о чем можно судить по тому, что уже 6,8% опрошенного населения в возрасте 60 лет и старше сообщили, что в их постоянный круг общения входят члены религиозной организации, национальной общины, 9,2% – единомышленники по интересам, члены клубов, обществ.

В результате активизировавшейся работы с пожилыми людьми со стороны учреждений социальной защиты уже треть представителей этой возрастной группы сообщили, что принимают участие в работе клубов, обществ, в конкурсах и пр. мероприятиях, организуемых для пожилых людей. Однако об активном участии такого рода высказались лишь 13,5% опрошенных, еще 17,6% сообщили, что участвуют в ней иногда, тогда как 50,5% не участвуют и не хотят принимать в них участия.

Таким образом, в качестве ключевой проблемы низкого уровня общественного участия следует считать слабость соответствующих мотивов. О том, что не участвуют в таких мероприятиях, но хотели бы участвовать, высказались всего 16,2% опрошенных.

Также следует обратить внимание на низкую информированность пожилых людей о различных мероприятиях. Треть из их числа отрицательно ответили на вопрос о том, информированы ли они об организуемых в Белгородской области для них школах, клубах, конкурсах, 40,7% – «что–то слышали об этом», тогда как о хорошей информированности заявили только 18,2% пожилых людей.

Низкое информационное обеспечение такой работы взаимосвязано со слабой мотивированностью на участие в ней пожилых людей. И эти причины являются доминирующими на протяжении многих лет, о чем можно судить по ответам пожилых людей на вопрос о том, что препятствует им участвовать в общественной деятельности, полученным в 2008 году. Чаще всего они говорили о незнании того, что это такое, зачем это нужно (30,3%), где и каким образом они могли бы найти применение своим силам (27,6%). Но еще по четверти опрошенных в качестве причин собственной социальной пассивности обозначили отсутствие интереса к общественной деятельности (25,7%) и неверие в возможность решения проблем таким образом (24,3%).

Очевидным выводом из полученных данных является необходимость активизации и повышения качества информационно–просветительской работы с пожилыми людьми. Учитывая объективную проблематичность социальной активности пожилых людей, связанную с ухудшением мобильности, логичным направлением решения указанной проблемы является развитие электронных ресурсов, обеспечивающих возможность общественного участия наряду с повышением компьютерной грамотности пожилых людей.

Однако корни проблемы социальной активности лежат глубже, связаны с культурой общения и шире – отношением к миру. Так, полученные в ходе опроса

2017 года данные показывают связь между общественной активностью и отношениями с окружающими. Например, среди тех пожилых людей, которые сообщают, что регулярно участвуют в работе домкомов, уличкомов, в делах своего подъезда, дома, двора, улицы, на порядок больше тех, что рассматривают свои отношения с соседями как искренние и доброжелательные (54,3%), а среди характеризующих их как формально–вежливые регулярных участников работы по месту жительства в 2 раза меньше (25,7%).

Среди тех, что регулярно участвуют в общественной работе по месту жительства, существенно превалируют ответы о том, что в их окружении множество людей, ведущих здоровый образ жизни (36,2% против 5,7% сообщивших об отсутствии таковых). А среди тех, что не участвуют в общественной работе по месту жительства, большая часть опрошенных сообщила о том, что в их окружении хотя и есть люди, ведущие здоровый образ жизни, но их мало (так ответили 44,7%), тогда как 22% заявили об отсутствии таких людей в их окружении вовсе.

Выводы и рекомендации

Таким образом, деятельность по формированию продуктивной социальной активности у пожилых людей должна сводиться не только к их мотивированию и информированию по данной теме, а включать в свою орбиту более широкий круг вопросов, касающихся жизненной позиции в целом.

Подводя итог, следует еще раз подчеркнуть, что пожилое население Белгородской области стабильно характеризуется слабой инклюзией в мезосоциальные практики – участием в деятельности различных объединений, в общественной работе, культурных мероприятиях, в том числе ориентированных на эту возрастную группу. Однако значения показателей их социального активизма не принципиально отличаются от других возрастных групп, а потому их следует рассматривать как отражающие общую социокультурную ситуацию, что подтверждается низкими показателями не только социальной активности населения, но и готовности к ней.

Из различных форм социального активизма пожилые люди чаще отдают предпочтение работе по месту жительства, что обусловлено, во–первых, физической доступностью такого участия в силу локальности местных сообществ, во–вторых, «понятностью» такого участия (что делать, для чего и как), в–третьих, ориентированностью пожилых людей на отношения добрососедства.

В силу этого развитие социального активизма пожилых людей видится наиболее продуктивным в рамках территориального общественного самоуправления. При этом речь идет не только о хозяйственной, но и досуговой активности. Одним из механизмов ее развития должна стать информационно–просветительская работа, ориентированная не столько на

пожилых людей, сколько на все население территории, с целью формирования соответствующей культуры и образа жизни, самореализации и приложения своих сил в рамках локального сообщества.

Что же касается специфических мер, ориентированных на развитие социального активизма пожилого населения, то здесь следует говорить о необходимости адаптации не только форм социальной активности, но и способов и механизмов ее реализации к их потребностям, особенностям и нуждам, включая создание условий для применения современных информационных технологий.

Для повышения уровня информированности пожилого населения о возможностях, конкретных методах и механизмах решения общих проблем, а также саморазвития и самореализации посредством участия в общественном самоуправлении, деятельности общественных объединений, других формах социальной самоорганизации целесообразно через органы ТОС организовывать встречи представителей ветеранских и других общественных объединений с пожилыми гражданами, проживающими на соответствующих территориях, в рамках которых активисты будут делиться с ними соответствующим опытом, привлекать желающих к такой работе.

Положительный эффект могут иметь также следующие меры:

а) подготовка и рассылка «памятки» пожилым гражданам с перечнем ветеранских и др. общественных объединений и информацией о них, посредством которых они могут самореализовываться, участвовать в общественной жизни, решать общественно значимые проблемы;

б) инициирование в местных СМИ, освещение мероприятий и успешного опыта общественной активности пожилых людей;

в) осуществление социальной рекламы, ориентирующей и мотивирующей пожилых людей на социальный активизм.

Библиография / References:

1. Дергаева А.Е. Профилактика социального исключения пожилых людей в современном российском обществе: автореф. дис. … канд. социол. наук. – СПб., 2013. – 23 с.

2. Колпина Л.В., Вангородская С.А., Реутов Е.В. Барьеры формирования и функционирования социальных сетей: региональный аспект: монография. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – 283 с.

3. Реутов Е.В., Колпина Л.В., Реутова М.Н., Бояринова И.В. Социальные сети в региональном сообществе: монография. – Белгород: Издательство КОНСТАНТА, 2011. – 240 с.

4. Реутов Е.В., Колпина Л.В., Реутова М.Н., Шавырина И.В. Гражданское

участие как ресурс социальной солидарности. – Saarbrucken: Lap Lambert Academic Publishing, 2015. – 179 с.

5. Санжиев Д. Местное самоуправление начинается с добрососедских отношений // Экономика и жизнь. – 2017. – № 37 (9703). – URL: https://www.eg–online.ru/article/355097/

6. Старшее поколение как ресурс социально–экономической модернизации России / Под науч. ред. чл.–корр. РАН Н.М. Римашевской. – М.: Экономическое образование, 2014. – 212 с.

7. Трубин В., Николаева Н., Палеева М., Гавдифаттова С. Пожилое население России: проблемы и перспективы. Социальный бюллетень. 2016. – URL: http://ac.gov.ru/files/publication/a/8485.pdf

8. Burns V.F., Lavoie J.P., Rose D. Revisiting the role of neighbourhood change in social exclusion and inclusion of older people // Journal of Aging Research. – 2012. – Т. 2012. – URL: https://www.hindawi.com/journals/jar/2012/148287/abs/

9. Engels B., Liu G.J. Social exclusion, location and transport disadvantage amongst non–driving seniors in a Melbourne municipality, Australia // Journal of Transport Geography. – 2011. – Т. 19. – №. 4. – Pp. 984–996.

10. James B.D., Wilson R.S., Barnes L.L., & Bennett D.A. Late–life social activity and cognitive decline in old age // Journal of the International Neuropsychological Society. – 2011. – Т. 17. – №. 6. – Pp. 998–1005.

11. Litwin H., Shiovitz–Ezra S. Social network type and subjective well–being in a national sample of older Americans // The Gerontologist. – 2011. – Т. 51. – №. 3. – Pp. 379–388.

12. Murayama H., Fujiwara Y., Kawachi I. Social capital and health: a review of prospective multilevel studies // Journal of Epidemiology. – 2012. – Т. 22. – №. 3. – Pp. 179 – 187.

13. Poortinga W. Community resilience and health: The role of bonding, bridging, and linking aspects of social capital // Health & place. – 2012. – Т. 18. – №. 2. – Pp. 286 – 295.

14. Stephens C., Alpass F., Towers A., & Stevenson B. The effects of types of social networks, perceived social support, and loneliness on the health of older people: Accounting for the social context // Journal of aging and health. – 2011. – Т.23. – №6. – Pp. 887 – 911.

15. Thoits P.A. Mechanisms linking social ties and support to physical and mental health // Journal of health and social behavior. – 2011. – Т. 52. – № 2. – Pp. 145–161.

16. Umberson D., Crosnoe R., Reczek C. Social relationships and health behavior across life course // Annual review of sociology. – 2010. – Т. 36. – Pp. 139 –157.

17. Umberson D., Montez J.K. Social relationships and health a flashpoint for health policy // Journal of health and social behavior. – 2010. – Т. 51. – №. 1.– Pp. 54–66.

1. Dergaeva, A.E. (2013) Profilaktika sotsial'nogo iskliucheniia pozhilykh liudei v sovremennom rossiiskom obshchestve [Prevention of elderly people social exception in modern Russian society]: avtoref. dis. … kand. sotsiol. nauk. – SPb. – 23 p. (In Russ.)

2. Kolpina, L.V., Vangorodskaia, S.A., Reutov, E.V. (2013) Bar'ery formirovaniia i funktsionirovaniia sotsial'nykh setei: regional'nyi aspect [Barriers of social networks formation and functioning: regional aspect]: monografiia. Belgorod: ID «Belgorod» NIU «BelGU». – 283 p. (In Russ.)

3. Reutov, E.V., Kolpina, L.V., Reutova, M.N., Boiarinova, I.V. (2011) Sotsial'nye seti v regional'nom soobshchestve [Social networks in regional community]: monografiia. – Belgorod: Izdatel'stvo KONSTANTA. – 240 p. (In Russ.)

4. Reutov, E.V., Kolpina, L.V., Reutova, M.N., Shavyrina, I.V. (2015) Grazhdanskoe uchastie kak resurs sotsial'noi solidarnosti [Civil participation as social solidarity resource]. – Saarbrucken: Lap Lambert Academic Publishing. – 179 p. (In Russ.)

5. Sanzhiev, D. (2017) Mestnoe samoupravlenie nachinaetsia s dobrososedskikh otnoshenii [The local government begins from good neighbourhood] // Ekonomika i zhizn' [Economy and life]. – № 37 (9703). – URL: https://www.eg–online.ru/article/355097/ (In Russ.)

6. Starshee pokolenie kak resurs sotsial'no–ekonomicheskoi modernizatsii Rossii [The older generation as social and economic modernization of Russia resource] / Pod nauch. red. chl.–korr. RAN N.M. Rimashevskoi. – M.: Ekonomicheskoe obrazovanie, 2014. – 212 p. (In Russ.)

7. Trubin, V., Nikolaeva, N., Paleeva, M., Gavdifattova, S. Pozhiloe naselenie Rossii: problemy i perspektivy. Sotsial'nyi biulleten'. 2016 [The elderly population of Russia: problems and prospects. Social Bulletin. 2016.]. – URL: http://ac.gov.ru/files/publication/a/8485.pdf (In Russ.)